

прозвучало лишь однажды, причём именно из уст английского дипломата: «чего все государи и властели *европские* у него (короля Якова. — *Д.Л.*) просили». Для российской политической мысли XVI–XVII вв. понятие «европейское государство» было не характерно (что, впрочем, не мешало русским государям вести родословие «от Августа-кесаря»), для её политической самоидентификации гораздо большее значение имел фактор конфессиональный. Однако именно в религиозном отношении Европа XVI–XVII вв. была чужда Московской Руси (не говоря уже о том, что она была далека от конфессионального единства и в своих собственных географических границах). Представляется, что не следует подгонять Московское царство, равно как и типологически весьма отличные от него и друг от друга страны Европы периода Раннего Нового времени под крайне спорную и жёсткую дилемму «деспотическая монархия» — «европейское государство»: политические реалии того периода были много разнообразнее и богаче на оттенки.

Самостоятельную ценность имеют приложения к монографии, в которые включён 41 документ. Из них 30 увидели свет впервые, 9 публиковались ранее самим автором. Указная грамота 1555 г. крестьянам Устьянских волостей об отмене кормлений публиковалась ранее М.М. Богословским (что оговорено Аракчеевым в приложении (с. 414)), но в книге её текст воспроизведён по подлиннику с исправлением допущенных при первой публикации ошибок. Ещё один документ, опубликованный в приложении к монографии, издавался ранее — челобитная посадских людей чёрной слободы Переяславля Рязанского о неправильном обложении оброком (с. 455–456). Данный источник в 1913 г. был издан С.Б. Веселовским, впрочем, с некоторыми характерными для него отступлениями в передаче текста (например, числительные, передаваемые в тексте словами, в публикации Веселовского часто передаются арабскими цифрами)¹⁹. Публикация же Аракчеева, осуществлённая по архивному подлиннику, воспроизводит текст источника точнее и потому, как и переиздание указной грамоты 1555 г., представляется вполне оправданной.

Вообще сопровождение исследований по отечественной истории XVI–XVII вв. публикациями исторических источников, на мой взгляд, является весьма желательным. Это не только позволяет оперативно вводить в научный оборот ценный материал, но также и раскрывает читателю «лабораторию» учёного. И в данном отношении книга В.А. Аракчеева служит образцом для исследователей истории Московского государства.

Андрей Павлов: Новый взгляд на историю тяглых сословий XVI–XVII вв.

Andrei Pavlov (Saint Petersburg State University, Russia): A new look at the history of taxed sosloviya in the sixteenth and seventeenth centuries

Книга В.А. Аракчеева посвящена рассмотрению одной из ключевых проблем в изучении допетровской России — истории тяглых сословий, которые составляли абсолютное большинство населения, «становой хребет» государства, являлись главным источником налоговых поступлений. В исторической литературе история крестьянства, посадских людей и политика государства по отношению к ним, как правило, рассматривались отдельно. Книга Аракчеева

¹⁹ Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. I. М., 1913. № 59. С. 81.

является первым комплексным исследованием всех аспектов этой сложной темы и в свете новейших дискуссий об особенностях путей социально-экономического и политического развития Русского государства XVI–XVII вв. весьма своевременна.

Реализация столь масштабных исследовательских задач потребовала от автора привлечения всего комплекса сохранившихся источников. Исторiku удалось выявить и ввести в научный оборот более 30 уникальных документов по теме исследования. В их числе следует особо отметить грамоту Ивана III, адресованную устюжскому наместнику (1462–1474 гг.), выпись из писцовой книги Псковской земли 1510 г., уникальные материалы второй половины XVI в., позволяющие существенно дополнить известные в науке свидетельства о земской реформе и процессе закрепощения. Автору удалось обнаружить новое (уже 11-е по счёту) документальное известие о «заповедных годах». Кроме того, он широко использовал достижения современной археографии в деле выявления, изучения и публикации исторических источников XV – начала XVII в. (актового материала, писцовых книг и т.д.) – известные публикации А.В. Антонова, К.В. Баранова, С.Н. Кистерева и др. Одним из достижений исследователя является введение в научный оборот комплекса документов из архивов псковских монастырей, содержащих уникальные сведения о деятельности земской администрации Пскова во второй половине XVI в. Изучение этих материалов впервые позволило детально и наглядно реконструировать механизм функционирования земских органов самоуправления. На основе новых данных (прежде всего на материалах Пскова) автор проследил процесс оживления деятельности земских миров в Смутное время.

В монографии показано, что в основе политики государства по отношению к тягловому населению лежали интересы фиска; при этом власть стремилась сохранить уровень платежеспособности тяглых общин. Заслуживающие пристального внимания суждения высказаны автором относительно природы «пожилого». По его мнению, постановления Судебников о «пожилом» преследовали цель компенсировать потери, понесенные тяглым миром из-за предоставления льгот новым тяглецам. Ценные наблюдения сделаны Аракчеевым по поводу института наместников накануне земской реформы. Исследователь показал весьма значительный уровень власти наместников окраинных областей государства, обладавших правом «боярского суда» (в том числе над местными детьми боярскими). В связи с этим автор выдвинул оригинальную трактовку 64-й ст. Судебника 1550 г., значение которой заключалось в уравнивании детей боярских всех городов и уездов в судебных правах путём выдачи «вопчих грамот» (составленных по единому формуляру иммунитетных грамот для служилых людей «разных городов»). Существенно прояснены в монографии ход, хронология и география земской реформы. Сравнительный анализ постановлений Стоглавого собора, земских уставных грамот и летописного «Приговора о кормлении и службе» привёл Аракчеева к убедительному выводу о том, что изложенный в летописях «Приговор» вполне адекватно отражает реалии земской реформы второй половины 1550-х гг.

Центральная проблема книги – история закрепощения тяглого крестьянского и посадского населения в конце XVI – начале XVII в. Благодаря комплексному анализу всего сохранившегося корпуса документов с упоминанием заповедных лет автору удалось скорректировать существующие в историографии представления о начальном этапе установления крепостного права в России.

Аракчеев показал, что различные категории тяглого населения в 1580-х гг. подверглись закреплению не одновременно и на разных условиях. Если на частновладельческих землях, согласно концепции автора, действовал режим «заповедных лет», представлявший собой особый порядок сыска и возвращения по суду тяглых крестьян по инициативе (челобитьям) самих землевладельцев, то инициатива сыска и возвращения «в тягло» черносошных крестьян и посадских людей исходила от государственной власти. Вопреки распространенному мнению автор показал отсутствие существенных отличий в практике крестьянских переходов в 1580-х и 1590-х гг., проследил процесс постепенного перерастания режима «заповедных лет» в порядок розыска беглых, известный по указам 1594 и 1597 гг. Эти наблюдения дают основания усомниться в справедливости точки зрения В.И. Корецкого и других исследователей об издании около 1592/93 г. общего универсального закона о закреплении крестьян в России.

Как всякое масштабное исследование, монография Аракчеева содержит и некоторые дискуссионные положения. Противоречивыми представляются суждения о взаимоотношениях земских органов самоуправления и верховной монархической власти. С одной стороны, автор говорит о том, что земская реформа «никак не выглядит антитезой монархическому государству и его институтам» (с. 412). С другой, несколько ранее он отмечает, что идеология русского самодержавия не допускала возможности участия «земли» в верховном управлении, принятии политических решений (с. 281), а функции земского управления государство стремилось свести преимущественно к фискальной сфере. В работе показан процесс усиления контроля центральной власти (в лице складывавшейся системы четвертных приказов и развития новой воеводской формы управления) над местными обществами. Утверждение самодержавия и его возвышение над обществом в последней трети XVI в., как представляется, стали главным тормозом развития сословного представительства в России. В этой связи нуждается в дополнительных пояснениях положение Аракчеева о её типологическом сходстве с европейскими государствами второй половины XVI – начала XVII в. (с. 413). Ведь в отличие от России в них получила широкое развитие система сословного представительства, в том числе на местах.

Трудно вполне согласиться с исследователем в том, что земские миры составляли опору опричного режима. Как показал сам автор, центральная власть, не вполне полагаясь на органы земского самоуправления, в годы опричнины усилила фискальное давление на них посредством отправки на места особых посланников, применяла в опричной части государства и прямо репрессивные методы. Думается, власти опричного периода просто использовали земские органы в своих интересах, прежде всего в целях пополнения казны.

Не во всём бесспорной представляется трактовка автором указов 1601–1602 гг. о частичном разрешении крестьянского выхода. Вопреки мнению Корецкого и других исследователей Аракчеев полагает, что преференции от указов получили прежде всего средние и мелкие дворяне, которым было разрешено «отказывать и возить» крестьян. Однако следует обратить внимание и на другую сторону постановлений: из земель крупных землевладельцев (думных и московских чинов, церковных владык, монастырей), а также из чёрных и дворцовых волостей выходы и вывозы крестьян запрещались вообще. Для крупных землевладельцев это являлось несомненной привилегией. Едва ли правительство Бориса Годунова стремилось удовлетворить интересы рядового

дворянства в ущерб элите двора и верхушке церкви – своей главной политической опоре.

На мой взгляд, в монографии несколько переоценено всевластие наместников, деятельность которых, как считает автор, практически не контролировалась органами центрального управления. Однако нельзя не вспомнить о попытках государственной власти в конце XV – середине XVI в. ограничить судебный произвол наместников путём привлечения к участию в наместническом суде выборных от местного населения. Наиболее полно стремление правительства поставить судебную деятельность наместников под контроль выборных старост получило выражение в постановлениях Судебника 1550 г.

Несмотря на дискуссионность некоторых положений, книга В.А. Аракчеева – безусловно крупное явление в нашей историографии, и мимо неё уже не сможет пройти ни один серьёзный исследователь социально-экономической и политической истории допетровской России.

Игорь Тюменцев: Возобновление дискуссии о генезисе крепостничества

Igor Tiumentsev (Volgograd branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration): The renewal of discussion on the origins of serfdom

Новая оценка и пересмотр теоретических построений советских исследователей – участников дискуссий 1960–1970-х гг. – стали неотъемлемой составляющей российской науки рубежа XX–XXI вв. Вот почему дискуссия об этапах закрепощения крестьян требует продолжения. Немного удивительно даже, что её возобновление не произошло ранее. Причина отчасти кроется в неспособности исследователей пересмотреть свои методологические принципы и, согласимся с В.А. Аракчеевым, в «стремлении учёных создать непротиворечивую эволюционную картину» (с. 15). Обсуждаемая монография – труд нового поколения историков, кардинально меняющий постулаты советского времени и вместе с тем ставший осмысленным результатом кропотливой работы, проделанной автором на протяжении более двух десятков лет.

Положительным моментом является дипломатичность автора. Его исследование отнюдь не оторвано от предшествующей историографии, а, по сути, стало продолжением приостановленной в 1980-е гг. дискуссии. В своих изысканиях Аракчеев постоянно апеллирует к предшествующим публикациям, объективно оценивая общепринятую в то время методологическую основу работ и дискутируя с выводами, основанными на эмпирическом материале.

Автор исходит из того, что «именно реформы, внешнеполитические и внутриполитические потрясения второй половины XVI в. переросли в полномасштабную гражданскую войну начала XVII века» (с. 5). Вместе с тем предпосылкой для построения кардинально новой концепции служит суждение о том, что «закрепостительные мероприятия второй половины XVI в. были вынужденным шагом правительства, находившего полную поддержку тяглых общин» (с. 7).

Автор провёл детальный анализ текста «Уложения» Василия Шуйского от 9 марта 1607 г., высказав, однако, убеждение в том, что документ является «плодом реконструкции В.Н. Татищева, объединившего в составе документа подлинный царский указ в Чердынь о сыске черносозных крестьян, указ об